

Поэт, победитель Международного литературного конкурса "Кубок Мира по русской поэзии - 2012". Живет в г. Большой Камень (Россия).

из дневника Божены Бровлич

Пока ты дома, ничего не случится.

1.

Была бы дочерью пекаря – весельчака Осипа -
Пышущей, пахнущей гвоздикой, корицей,
Слетались бы пчёлы на мои волосы,
Были б в цветочной пыльце ресницы,

Была бы дочерью портнихи Иясы,
Жизнь была бы строчкой одной - ровной, быстрой
Была бы кожа моя из розового атласа,
Снились бы сны легчайшие - из батиста

Так мечталось, когда пробежала мимо пекарни,
Осип махал ручищей сдобной и улыбался,
«Забегай, подарю ленту!»: кричала жена его, Ияса,
Но я спешила, несла обед отцу в солеварню,

Где соль на чёрстой корке земли лежала,
Ветер прогорклый высушивал щеки, губы...
«Ленточка!...» - по неподаренной ленточке жалость
Время убило скоро и грубо:

«В Треблинке, кажется...» - перешёптывались люди.
Шёпот полз из дома в дом, вырастал до крика:
Неужели их больше никогда не будет?
Неужели люди сгорают, как книги?

2.
книги сгорают, как люди -
лопается переплётная кожа,
обугливаются белые костяные страницы,
мать у камина похожа
на безумную истопницу,
Ремарк горел синим пламенем с искрами,
языкасто, оранжевым – Гашек,
Осецкий, дымно кашляя, занимался быстро,
от Анны Блос разлетались пепельные клочки волос.
от прошлой жизни остались гарь, копоть, сажа.

3.
Раз, два, три – это такая игра -
Лежать под соломой на дне телеги,
Тихо, как будто мертва.
Не вспоминать отца,
Чтоб не щипало глаза,
Не вспоминать мать,
Не вспоминать дом,
Мертвый кругом сон –
Это такая игра – даже трава мертва.
Панночка померла,
Панночка померла.
Голос клевера сух,
Голос чужой глух:
Если вдруг отомрешь –
Умрешь.

4.
Тот городок на окраине мира, событий и потрясений

помнится вечно в какой-то полуденной дымке весенней:
абрисы крыш черепичных, ленивый полёт голубей.
Ханна. Глаза её - сонных озёр голубей.
Ханна держала кафе, сыроварню и мужа.
Много молчала, но больше – рожала детей.

Я, по столам расставляя салфетницы в пене бумажной,
слышала где-то поблизости вздох её тяжкий,
к Ханне бежала, под локоть обрюзгший брала.
Мы ковыляли по лестнице тёмной и пыльной,
но до топчана в каморке, как правило, не доходили.

.....
помню, бьющий в нос, тошнотворный
запах сыра, скисшего молока, родильной крови.
муж Ханны на руки брал – дочь или сына,
что-то шептал над лобиком мраморно-синим -
может, молитву творил,
может, прощенья просил.

Но к тому, что из стонущей Ханны рождалось
я питала брезгливую нежность и жалость -
зачем... Если люди как книги горят?

Но, думаю, Ханна об этом не знала:
кафе, сыроварню и мужа держала,
стонала, рожая детей -
с глазами – швейцарских озер голубей.

5.
Снилось – на отцовой заброшенной солеварне, я - забытый мешок с солью.
Мешок, битком набитый серой горько-соленой солью.
Ничего со мной не случится – не растащат голодные мыши –
Слишком солёно, горько.
Обползут ядовитые змеи. Будут чужды мне смерть и гниенье,
Не склюют соляную душу - птицы, и стоять мне вечно,
Смотреть, как меняется небо в рваных прорехах крыши.
Да, да меняется небо – состарившись, молодеет,
Иногда умирает будто, но сызнова воскресает,
Радует, горюет, плачет, темнеет от гнева,
И жизни его хватает на всех – безногих, незрячих,
Крылатых, бескрылых,
даже стоящих на сгнивших амбарных досках,
Набитых горько-соленым до горла с истлевшей веревкой.

6.
Неважно, что натолкнет на мысль вернуться домой –

Птицы дрожащая тень над озёрной водой,
Солдат, бредущий с войны незнамо куда налегке,
Соль, убывающая в мешке...

7.

Дом - стареющий любимый - ветшает, дряхлеет,
Кургузые кленовые свитера уже не греют,
Сквозняки воровато сдергивают с петель двери,
Тепло выдувает в оконные щели,
Камин обдаёт затхлым осенним жаром,
Тусклые слеповатые зеркала отражают
Кого угодно,
Но не меня.

Ворошу векселя –
Волосы стареющего любовника,
Почему не научил отец соль превращать в золото?
Расплываются по векселям жирные пятна солнца.
Что делать с домом?

Нежность не продается.
Верность не продается.
Память не продается.

Страницы автора в Сети:

[Стихи.Ру](#)
[Сетевая словесность](#)
[Мегалит](#)